Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина
XX 195
52

ВСЕМИРНЫЙ ТУРИСТ

ПРИЛОЖЕНИЕ К № 7 ЖУРН. „ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ"

Древняя обсерватория Улуг-бека

Археолого туристический рассказ **Михаила Яна**

Дувалы [1]) внезапно оборвались, и я вышел из пыльной и узкой кишлачной [2]) улички к широкой реке, круто подмывавшей берег, на котором я стоял. На другой стороне реки четко тараторили поднимавшиеся из воды тяжелые бревна толчей [3]) с кольями-пестами на концах, руша рис в больших деревянных ступах. Река делала крутой поворот и исчезала за зеленью виноградников и садов, расползшихся по склонам глинистых холмов.

Я перешел реку по узкому, сложенному из тополевых жердей мосту и оглянулся, разыскивая дальнейший путь. Позади меня виднелась пыльная дорога, по которой я пришел из Самарканда, а впереди — разветвлявшиеся узенькие улички и желтые дувалы со свешивавшейся листвой винограда, за которыми подымались прутья урючников и вишен. Держась руками за дувал, я двинулся к одной из толчей по тропинке, проложенной по самому берегу реки.

Тропинка осыпалась под моими ногами, и желтые пески уплывали, покрывая матовым налетом сиренево-кристальные воды реки. Я пробрался к толчее и, перепрыгнув через вал вращающегося колеса, подошел к сидевшему на пороге узбеку. Он был без халата, в запыленных шелухой зерна розовых полосатых штанах и без тюбетейки на бритой голове. Узенькие черные глаза, улыбаясь, скосились на меня.

Я произнес:

— Ас салям алейкюм [4])!..

— Алейкюм ас салям! — ответил он мне.

— Где здесь чай-хана [5]), ока [6])?.. Мне надо пройти к обсерватории Улуг-бека.

— Улуг-бека?.. Не знаю... А вот чайхана будет там, за дувалом направо... А Улуг-бек?.. Я не знаю.

— Рахмат [7]), — поблагодарил я его и отправился в указанном направлении.

Широкие ветви карагачей [8]) и тутовых деревьев переплетались над моей головой, образуя тенистый свод. Желтые крупичатые ягоды тута валялись по дороге, и их клевали быстро перелетавшие стайки пестрых «каменных», или, как их еще называют, розовых скворцов.

Был уже третий час дня, и я почувствовал усталость, так как было шестьдесят градусов жары. Я свернул в переулок, и передо мною показался широкий арык [9]), делавший поворот и исчезавший за дувалами. На берегу рос огромный карагач, вероятно, видавший еще век Тимура [10]), под ним приютилась широкая, с громадным тростниковым навесом чай-хана.

От арыка веяло приятной прохладой, и потертые пестрые ковры в чай-хане манили на отдых после жаркого дня. Я перешел через узкий шаткий мостик, образованный положенной поперек течения арыка арбой без колес, и вошел под навес.

Ко мне подошел сидевший за самоваром хозяин в пестром халате и, узнав, что мне надо кок-чай [11]), прикрикнул на вынырнувшего откуда-то гололобого мальчугана с маленькой туго заплетенной косичкой. Тот умчался за палас [12]).

---

1) Дувал — глиняная стена.

2) Кишлак — селение, деревня.

3) Толчея — старинная узбекская мельница, которая с помощью тяжелых бревен дробит и очищает зерно.

4) Приветствие (здравствуй).

5) Чай-хана — чайная.

6) Ока — брат, товарищ.

7) Рахмат (по-узбекски) — благодарю.

8) Карагач — широковетвистое дерево из породы вязов.

9) Арык — оросительный канал.

10) Тимур, или Тамерлан — «железный хан», правитель Средней Азии. Умер в 1405 году. Величайший и кровожаднейший завоеватель в мировой истории. В Самарканде им построены замечательные по архитектуре мечети — Биби-ханым и другие, в развалинах сохранившиеся до настоящего времени.

11) Кок-чай — зеленый чай, любимый напиток узбеков.

12) Палас — тканый вышитый ковер.

Сначала я думал, что нахожусь один в чай-хане, но потом заметил, что в дальнем углу, на плетеной цыновке сидел с карандашом и бумагой в руках юноша лет девятнадцати с сухим лицом, темными выгоревшими волосами и черными

Высеченная в скале траншея, ведущая в обсерваторию Улуг-бека в Самарканде.

острыми глазами. Тюбетейка на голове, на ногах сандалии, белая рубашка, засунутая в трусы, и узбекский нож в разрисованных ножнах — вот был его костюм. Перед ним на жестяном подносе стояли цветистый чайник и пиала [1]).

Несколько мгновений мы молча смотрели друг на друга. Внезапно юноша-узбек резко рассмеялся и сказал ясным русским языком:

— Чего вы смотрите на меня!.. Посмотрите лучше в воду. У вас все лицо в грязи...

— Разве?..

Я подошел к арыку и посмотрел в быструю гладкую воду. Мои лицо и шея походили не то на ссохшийся урюк [2]), не то на чешую ящерицы... Длительный путь по пыльной дороге образовал на моем лице борозды и иероглифы [3]).

— Как это я не заметил! — говорил я, спеша обмыть лицо в арыке. В это время хозяин разостлал мне ватное одеяло и поставил передо мной кок-чай и поднос с сушеным виноградом.

Неожиданно юноша поднялся и подошел ко мне.

— Вы — приезжий?.. — спросил он, упрямо глядя косыми глазами, и, не дожидаясь ответа, продолжал:—Мое имя— Худжамат. Я—из Ташкента... Вузовец... А вы?..

Я поспешил ответить ему, что проездом остановился на несколько дней в Самарканде и, увлеченный им, остался еще на неделю, а в данное время отправляюсь осматривать обсерваторию Улугбека.

— И вы? Вот это хорошо! Будем попутчиками. Я как раз иду туда же. Вы там никогда не были? В таком случае, я могу вас провести. Я туда иду уже четвертый раз... Увлекся...

Мы разговорились. Худжамат оказался знающим историческое прошлое Самарканда гораздо больше меня, и с жаром начал рассказывать обо всем виденном и слышанном. Мы незаметно выпили кок-чай и расплатились с хозяином.

— Ну, пойдемте, — сказал мне Худжамат. — Мы с вами живо доберемся. Обсерватория совсем недалеко, — минут десять ходу.

Мы нырнули несколько раз сквозь проломанные дувалы, проходя чьи-то виноградники, и вышли на дорогу, составленную множеством троп, переплетавшихся в одну. Должно быть, это была караванная и пешеходная дорога.

— Вон обсерватория! — крикнул мне Худжамат, вскочив на могильный камень около дороги и указывая рукою вперед, на поднимавшиеся один над другим голые, поросшие редкою травою холмы.

— Где?

— Вон... Видите кусочек свода?.. Между холмами виднеется... Это она и есть.

Впереди, по другую сторону дороги поднимались серые бугристые, в желтых песчаных ямах холмы. Из-за складки между двумя из них виднелся кусок красновато-желтой кровли свода. Серые холмы и красный кусочек свода резко выделялись на васильково-синем небе, колебавшемся в мареве жары.

— Идемте дальше, — и Худжамат побежал в гору. Я последовал за ним.

Когда я догнал его, он стоял на одном из бугров и что-то пристально рассматривал. Я огляделся — и вдруг увидел обсерваторию. Я ее представлял не такою: громадные арки, купола, трубы рисовались в моем воображении. Вместо этого я увидел следующее...

Бугор, на котором мы стояли, оказался остатком полузасыпанной песком и поросшей травою стены, замыкавшейся в правильное кольцо. Внутри образованного стеной круга, точно грузная, обитая железом кишка, лежал свод обсерватории. Почему-то это сравнение первым пришло мне в голову при взгляде на то, что осталось от обсерватории.

Свод обсерватории, возвышавшийся над землею на два метра, находился как раз посредине круга, образованного стенами, составляя приблизительно три четверти его диаметра. Стена обсерватории и она сама находились на самой возвышенной точке из всех окружающих холмов. Верблюжьими горбами уходили вниз холмы, переходя в сады и виноградники кишлака.

На северо-востоке была видна возвышенность Чупан-ата, а на запад темным пятном садов и шпилями покачнувшихся

---

1) Пиала — узбекская чашка.
2) Урюк — дикий абрикос.
3) Иероглифы — символические письменные знаки древних египтян.

медрессе [1]) лежал Самарканд. Вокруг всего этого виднелись сероватые далекие горы, окружившие кольцом самаркандскую долину.

— Обсерватория под землею... Под этим сводом... Идем, — тронул меня Худжамат.

Мы соскочили с вала и направились ко входу в обсерваторию. В арке входа чернело отверстие уходившего вниз подземелья, а на другом конце свода тонким рисунком на желтом песке чернела решотка противоположного окна.

Навстречу нам вышел седобородый старик-страж и прошамкал предложение заплатить ему по двадцать копеек за объяснение. Я хотел было ему отказать, но Худжамат, наклонившись, шепнул мне:

— Заплатите ему. Услышите прекомичное объяснение. Не пожалеете потом...

Я заплатил стражу, и мы вошли в подземелье.

Кругом было темно, лишь ослабленный свет, падавший из противоположного окна, освещал глубокую траншею, высеченную в скале и дугообразно поднимавшуюся, начиная от основания противоположной стены, до наших ног. Посередине дугообразного дна траншеи шли два параллельных барьера вышиною около полутора метров; между этими барьерами и по обеим их сторонам опускались вниз ступеньки.

Поверх кирпичных барьеров были положены мраморные плиты с тоненькой канавкой у внутреннего края. Старик начал спускаться вниз по средним ступенькам, а мы с Худжаматом шли по боковым. Потом старик начал свои объяснения:

— Это место называется по-нашему Чиль-духтаром... Это значит, что здесь зарыто сорок девиц. А по-ученому это место называется Тал-и-васад — обсерватория... Вот на этом холме... тут была большая башня, ростом в сорок человек... А шириною эта труба была в одного человека... Хай [2]). А в эту трубу смотрел большой хан — Улуг-бек... Он был очень мудрый... все на звезды смотрел и звезды считал... Как посмотрит в трубу — так сразу звезда станет большая... очень большая... Он смотрел почти десять лет и почти все звезды сосчитал... Но у него был сын... большой басмач... Он тоже захотел на небо посмотреть... только не звезды увидать, а самого аллаха милостивого... Он своему отцу Улуг-беку голову отрезал и сам стал на звезду смотреть... Только он был не учен и не мудр... и поэтому ничего не увидел... Тогда он со злости сломал трубу... А вот по этим канавкам труба ездила... А вот тут сам Улуг-бек...

— Подожди, ока... Кто эту обсерваторию откопал? — подмигивая мне, спросил Худжамат.

— Кто ее откопал?.. О!.. Один большой человек... Очень мудрый человек... и очень старый... У него голова большая... и борода совсем большая... А зовут его Вяткин-ага... Он тоже десять лет в трубу глядел... Все звезды считал...

— Рахмат! Рахмат! Очень большое спасибо! — поблагодарил я старика. Тот поклонился мне и, поднявшись наверх, принялся доедать тутовые ягоды, поджидая еще кого-либо из желающих выслушать историю обсерватории Улуг-бека...

Мы же с Худжаматом сами начали осматривать обсерваторию.

Вот ее правдивая история.

Траншея была высечена в скале около 500 лет назад внуком Тимур-бека, иначе Тамерлана, — Улуг-беком Гураганом, правителем обширных земель, завоеванных Тимуром, и культурнейшим человеком своего времени.

При участии членов Математической Академии, бывшей тогда в Самарканде, он решился, наконец, исправить и уточнить данные тогдашней астрономической науки и, прежде всего — таблицы звездного неба. Так как теоретические исправления оказались невозможны, то решено было построить обсерваторию и путем длительных наблюдений проверить результаты старых работ по астрономии, доставшихся мусульманам от греков. Обсерватория был построена, и около семи лет производились в ней наблюдения лучшими астрономами того времени, из которых известны пятеро. Улуг-беком в этой обсерватории было определено положение звезд на небесном глобусе

[1]) Медрессе — мусульманские школы.
[2]) Хай — ладно, хорошо.

и составлены новые таблицы звездного неба. Кроме ряда других работ, им был определен градус меридиана и проверены вычисления расстояния до солнца и луны, последнее — на основании теоремы Пифагора.

Эта обсерватория была первой крупной обсерваторией на земном шаре без оптических приборов, которые начали появляться лишь спустя столетие. После смерти Улуг-бека, последовавшей от руки его старшего сына Абдул-Лятифа, обсерватория пришла в упадочное состояние, при чем имеются даже предположения, что она была разрушена при нашествии узбеков. Время, сменявшиеся династии, культурный упадок страны, завоеванной ордами узбеков, бесконечные войны — стерли всякую память о местонахождении обсерватории, оставив в летописях истории только то, что она находилась в окрестностях Самарканда, в древнем Афроснабе.

Попытки разыскать ее долгое время оставались безрезультатными, пока, наконец, в 1907 году самаркандский археолог, ныне профессор, Василий Лаврентьевич Вяткин с целью обнаружения обсерватории не предпринял очень трудные поиски. Им было прочтено и переведено свыше 3000 вакуфных [1]) рукописей, сохранившихся с давних времен. Среди рукописей ему встретилось то, что он искал. В одной рукописи было написано, что к дарственному участку прилегает с одной стороны арык Аби-рахмат, земля Тал-и-расад (обсерватория) и местность Накш-и-джаган. Рукопись эта была написана около 250 лет назад, но, несмотря на это, по ней удалось легко установить местоположение обсерватории, так как и арык Аби-рахмат и местность Накш-и-джаган сохранили до сих пор свое прежнее, старинное название.

Остальное сделали раскопки, законченные в 1912 году...

Отрытая обсерватория представляет собою траншею с идущими посередине ее дугообразного дна двумя параллельными

[1]) Вакуфная — дарственная от частных лиц какому-либо «богоугодному» заведению рукопись, в которой указываются пожертвованные земли и их границы. Эти земли были захвачены мусульманским духовенством, и только теперь, после земельной реформы, розданы узбекским правительством беднейшему трудовому населению.

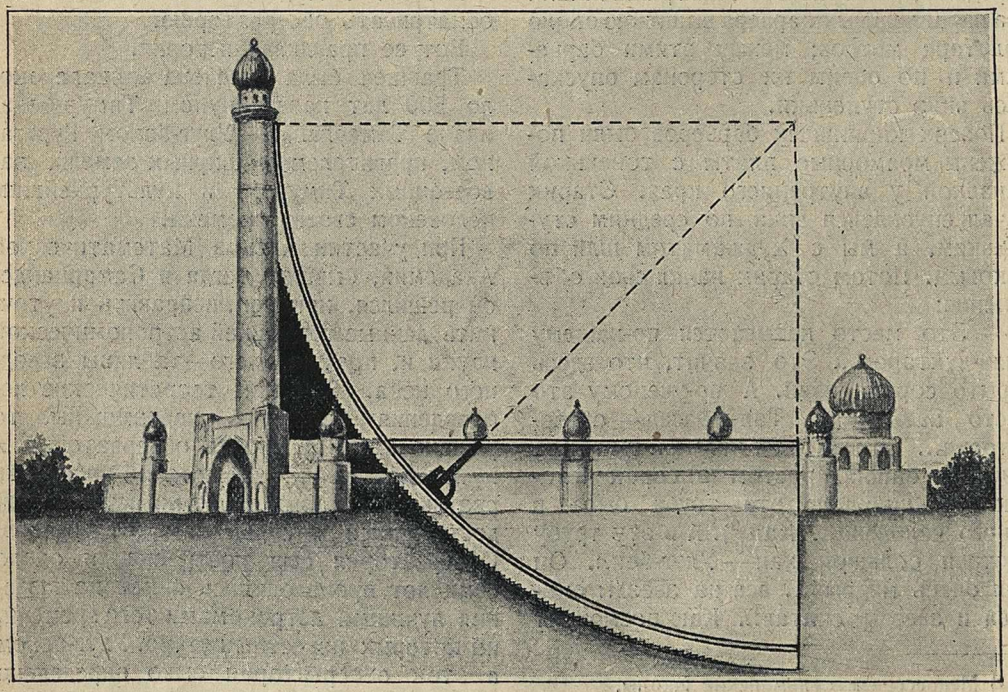

Схема построения дуги-квадранта в обсерватории Улуг-бека.

барьерами, сверху выложенными мраморными плитами, выстроганными под одинаковой дугой, начинающейся внизу у основания противоположной стены и кончающейся наверху на уровне пола.

При измерении радиус дуги оказался равным 40,9 *м*. Барьеры имеют в мраморных плитах канавки, по одной с внутренней стороны, которые тянутся на протяжении почти всей дуги, немного не доходя до конца траншеи. По всей длине канавок на одном барьере с одной стороны идут вырезанные в мраморе кружочки, около которых находятся поперечные желобки. В кружочках вырезаны арабские буквы, в сумме дающие градусы, так как вся дуга представляет собою не что иное, как гигантский квадрант (четверть круга) с делениями. Так, в самом нижнем кружке — цифра 81°, а в верхнем — 57°. Желобки находятся на расстоянии 72,2 *см* друг от друга, что составляет расстояние градусов для такой дуги. Канавки имеют в себе следы от медных рельс и гвоздей, которыми они скреплялись и по которым двигался наблюдательный инструмент. Черточки-желобки идут по всей дуге до 90°. Если бы эту дугу можно было продолжить вверх, то на уровне пола пришлось бы как раз 45°. При раскопках были найдены плиты с числом градусов — 11°, 20°, 21°, что подтвердило предположение о дуге-квадранте, продолженной над землей до 1°.

Несмотря на то, что эта дуга была сделана около 500 лет назад, она не имеет почти никаких искривлений, никакого отклонения. Ее направление—прямо на юг, а уцелевшая часть дуги равна одной четверти круга. По желобкам барьера двигался установленный на колесиках прибор-угломер, который вели шедшие по крайним ступенькам помощники. В средней части между барьерами находился наблюдатель. В центре прибора была неподвижно установлена труба, направленная к центру дуги. Путем передвижения прибора вверх и вниз по дуге улавливалась нужная звезда. Оштукатуренные стены траншеи были продолжены вверх и заканчивались открытым полусводом. Полусвод снаружи был покрыт мозаикой из глазированных кирпичиков—синих, белых, черных, голубых и желтых, о чем свидетельствуют найденные изразцы. На продолжении квадранта к северу были найдены остатки фундамента четырехугольного минарета, подпиравшего выступающую часть квадранта, который при падении образовал гряду, направленную на север.

Мы с Худжаматом вышли наружу.

— Посмотрите!—крикнул мне юноша.

Я подошел к нему. Он держал в руке голубой сияющий изразец. Кусок его древней эмали отскочил, но изразец был так же свеж, как и пять веков назад.

— А вот, знаете, Ян, секрет этой бирюзовой эмали не открыт до сих пор! Теперь еще много таких кирпичиков валяется на кладбищах. Жители растаскивают. А потом и этого не будет... Вот на этих остатках круглой стены были найдены мраморные плиты. Тоже с делениями. Но их цифры не переходили десятка.

— А для чего эта стена? Не для защиты же была возведена она толщиною в один кирпич и с мраморными плитами наверху?

— Это был горизонтальный круг для наблюдения за моментами восхода и заката светил, тогда как в трубу наблюдали положение их в зените. Были также найдены глиняные полукруглые чаши, вершков шесть в диаметре и вершка два в глубину. Чаши были залиты гладкой зеленой поливой и вмазаны в штукатурку для передачи на квадрант звезд северного неба с помощью этих чаш, наполненных водой (как через зеркало). Я часто хожу сюда и все думаю, копаюсь в книгах... А все — как перед каменной стеной...

Я простился с Худжаматом на Регистане [1]) уже поздним, отдающим урюком и дынями, пряным вечером, условившись встретиться у меня для дальнейших совместных экскурсий...

Ночью мне снились высокий холм, стена, громадный квадрант, опирающийся на минарет, седобородый старик-страж и живший 500 лет назад необычайный человек, глядевший на желтую, как апельсин, луну на лиловом небе...

---

[1]) Регистан — площадь в «Старом городе» в Самарканде, на которой находятся три огромных древних медрессе: Тилля-кари, Улугбека и Шир-дар.

ЖИЗНЬ ИСКУССТВА

К десятой годовщине Октябрьской Революции Совкино выпускает историко-революционную ленту „Октябрь". Ставит ленту режиссер С. М. Эйзенштейн; сопостановщик Г. В. Александров; главный оператор Эдуард Тиссэ. В настоящее время заканчиваются работы по инсценировке и зас'емке октябрьских дней в Ленинграде. В сентябре будут сниматься московские события. Премьера 7 ноября.

№ 33

Самарканд

С января этого года в Самарканде функционирует 1-я Мастерская хореографии „МАСТХОР", находящаяся в ведении Главпрофобра НКП. Поскольку театральное образование в Узбекистане нуждается в учебных заведениях типа театральных училищ центральных городов СССР, Мастхор является желательным почином как в смысле строгой постановки учебного дела, так и в смысле состава учащихся и преподавателей.

Организатор и руководитель Мастхора — артистка балета З. М. Воронцова, зарекомендовавшая себя как художник, педагог-теоретик и научный работник в области хореографического искусства, получившая соответствующее образование и работавшая на лучших сценах Москвы. З. Воронцова привлекла к работе в Мастхор'е специалистов по акробатике, мимике и истории искусств, оставив за собой преподавание классики, пластики и народных плясок. Таким образом учебная программа Мастхор'а всесторонне обнимает воспитание грамотного, квалифицированного актера—мастера движения. Курс Мастхор'а рассчитан на 2 года при ежедневной учебе по 2 часа и трех каникулярных месяцах в году. Состав учащихся—30 человек, в большинстве дети рабочих. Одной из интересных и важных сторон учебного дела Мастхор'а является лабораторное изучение народного узбекского творчества; особое внимание программы уделяется пляскам женщин Востока и культивированию узбекской пляски, т. е. восстановлению старинных и изысканию новых форм ритма и рисунка и опытам над целыми массовыми постановками хореографических пантомим из узбекского быта. З. Воронцова уделила продолжительное время (2 года) изучению узбекских плясок у лучших танцовщиц Узбекистана и Туркменистана и собрала ценный цикл. Сейчас Мастхор приступает к работе, являющейся базой 2-го курса по предмету „пляски народов": к работе над постановками плясок „Уфар", „Ларзон" и „Ривона" и большой пантомимы по поэме З. Воронцовой „Тай-Мунар", отражающей быт и борьбу за свое право восточной женщины на грани революции. Заканчивая 1-й учебный год, 1-я Мастерская хореографии демонстрировала свои достижения на отчетно-показательном вечере в Гортеатре и на вечере в рабочем районе (жел.-дор. клуб). Как на первом, так и на втором вечере зрители вынесли глубокое впечатление от дисциплинированного и сознательного исполнения номеров учащимися, от их технических достижений за короткий срок учебы и от оригинальных, художественно-выдержанных постановок и колоритных костюмов художника-постановщика З. Воронцовой.

При такой постановке учебного дела, притом бездефицитного (Мастхор существует на полном хозрасчете), можно надеяться, что Мастхор, будучи вполне жизнеспособным, справится с возложенной на него задачей и в дальнейшем, тем более, что непосредственное руководство работой исходит из органов НКП, от лучших работников просвещения Узбекистана.

В. ЯН

Армавир

По окончании зимнего драмсезона, давшего Политпросвету дефицит вследствие крупных затрат на ремонт после хозяйствования ДТК, ошибок, допущенных при формировании труппы, а также вследствие чрезвычайно пассивного отношения профорганизаций к обслуживанию зрелищами своих членов (процент билетов, распределенных через Культотдел Совпрофа равен нулю),—Армавир вступил в полосу летних гастролей. Одновременно начали работать две оперетты! В горсаду, сданном в аренду окружному ОДН, открыто ставшему на коммерческую плоскость, подвизается музкомедийная труппа лилипутов. Зимний театр, находящийся в ведении худсекции, также культивирует опереточный жанр. Такой параллелизм в работе (не говоря уже о недопустимости двойной порции опереточных зрелищ), конечно, подрывает нежелательной конкуренцией материальный базис обоих театральных предприятий, тем более, что платежеспособность местного населения не так уж велика, чтобы дать возможность благополучного существования двум однородным труппам. К тому же карманы армавирцев были порядком растрясены выступлениями группы артистов ленинградской Акдрамы во главе с Корчагиной-Александровской, Гардениной, Аполлонским, Бороздиным и Неждановым,—выступлениями, имевшими здесь большой художественный и недурной материальный успех.

Из других гастролей следует отметить спектакли театра „Скворешник" (Белогорская, Веретенников, Малахов, Листов), при удовлетворительном художественном успехе давшие дефицит ОДН, 6 спектаклей бр. Адельгейм с репертуаром столь же старым, как и сами гастролеры, и выступление Игоря Ильинского, заявившего себя весьма посредственным рассказчиком.

С 7 июля начал работать довольно сильный коллектив музкомедии под упр. А. М. Луковского. В составе труппы — Е. А. Арди (лир.-каск.), Е. Д. Неволина (каск.), А. А. Альская (субр.), Волковская (лир.), Д. И. Волков (герой-бар.), М. А. Матвеев (тоже), И. З. Шульгин (герой-простак), Р. Э. Робертов (простак). Дирижеры – Е. А. Синицын и Б. А. Леонов. Хорош балет.

Музыкальная жизнь города совершенно замерла. Музпросвещение населения происходит лишь через пивные. Намечавшийся местным вокальным педагогом Лавровым концерт, посвященный памяти Бетховена, не мог состояться как благодаря отсутствию материальной поддержки со стороны худсекции и моральной со стороны Рабиса, так и благодаря тому, что все немногие имеющиеся в городе музыканты заняты выполнением „ударной" работы в пивных. Зато процветают разные цыганские капеллы с их „классическим" репертуаром.

В скором времени должна быть закончена работа по формированию к зимнему сезону двух трупп: стационарной—для Армавира—и передвижной—для обслуживания Кропоткина, Лабинской и Баталпашинска. Вопрос о том, будет ли дана драме гарантия,—пока не решен, хотя в других городах (Ростов н/Д, Владикавказ, Ставрополь, Таганрог, Краснодар) худсекции дотацию получают.

П. МОСКОВСКИЙ

В ГЛУБИНЕ СССР

К 100-летию театральной рецензии

В текущем году наши театрецензенты прозевали „на своей улице" большой праздник: исполнилось 100 лет со дня появления первой русской театральной рецензии. Ростовская газета „Советский Юг" приводит по этому случаю текст любопытного прошения, с которым редактор „Северной Пчелы" знаменитый Фаддей Булгарин обратился в июле 1827 г. в комитет, ведавший тогдашними придворными театрами:

— Желая трудами своими принести пользу успехам драматического искусства в России и усовершенствованию таланта артистов, принимаю смелость всепокорнейше просить оный комитет об исходатайствовании мне разрешения печатать в издаваемой мною вместе с другими литераторами газете разборы представляемых на местных театрах пьес и суждения об игре актеров со всеми условиями и ограничениями, какие только комитету будет благоугодно определить в своем позволении. Не имею надобности излагать перед просвещенными членами сего комитета выгод, проистекающих от театральной критики. Драматическое искусство во Франции, Англии, Италии и Германии преимущественно сему средству одолжено своими блестящими успехами. Критика есть единственное средство, чтобы актер узнал мнение публики о своих трудах и чтобы превосходный артист получил должную ему награду. Сверх сей пользы дирекция будет иметь выгоду и в отношении к сборам: внимание публики будет обращаемо на новые хорошие представления и многие особы, кои теперь не думают посещать театра, в то время будут возбуждены к принятию участия в сем благородном увеселении.

Далее Булгарин обещает соблюдать „благонамеренность" и „тон благородный", а также изъявляет готовность принимать возражения от актеров или авторов пьес:

— Всякая оскорбительная личность будет чужда совершенно сим критикам. Придворные актеры не могут оскорбляться суждениям об их трудах и дарованиях, ибо литературные и художественные труды первых в государствах особ подвергаются критике, коль скоро появляются в публику и становятся не-

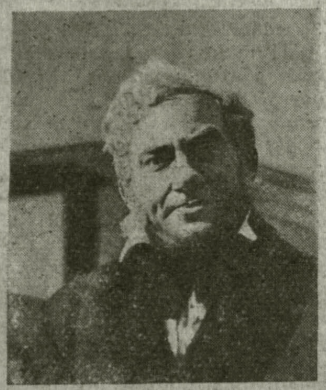
Санкт-Петербургская Театральная библиотека

ЖИЗНЬ ИСКУССТВА

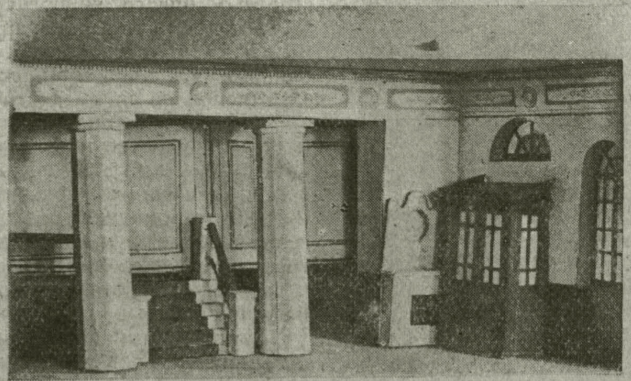

КАЛУЖСКИЙ ГОРОДСКОЙ ТЕАТР

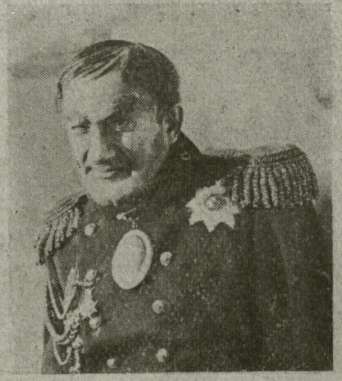
№ 50

А. К. Слободской
(«Горе от ума»)

„Горе от ума"
Макет худ. М. В. Барашева

А. К. Слободской
(«Аракчеевщина»)

Ростов-на-Дону

Клуб кожевников имени Октябрьской революции — один из наиболее крупных клубов города, насчитывающий более 2000 членов, при чем в художественных кружках занято до 500 человек.

Из музыкальных кружков имеются: симфонический, духовой, струнный, пионерский струнный и восточной музыки; из драматических: украинский, еврейский, армянский и русский.

Восточный оркестр „сазандари" работает под рук. т. Сагаруни 2½ года и насчитывает в настоящий момент около 70 человек. Группа этого кружка (15 — 20 чел.) под рук. т. Зейтарьяди организовала драмкружок, который сейчас ставит „Анжело".

Украинский драмкружок под рук. В. Н. Герасименко дал за последний период времени около 120 спектаклей; в репертуаре: „Мазепа", „97", „Хмара", „Бесталанна", „Селькоры" и т. д.

Русский драматический кружок работает над пьесами как классическими, так и современными. Практикуются выезды со спектаклями в другие рабочие клубы, а также в дома отдыха. Рук. кружка — В. М. Шумский.

Еврейский драмкружок работает над опереттами, при чем все оперетты оркестрованы. Здесь принимают участие в работе музыкальные кружки клуба.

Из живых газет имеются: армянская живая газета и газета „Фальцовка", работающая уже три года и получившая на общегородском конкурсе живых газет одно из первых мест.

Кроме стенной газеты „Клубная жизнь" выпускается еще журнал „Наше искусство", посвященный вопросам художественной работы клуба. **ВАЛЕНТИН ЭЙНМАН**

Калуга

Нынешний зимний сезон протекает в Калуге, по сравнению с прошлыми годами, с значительно большим успехом и в смысле подбора труппы (гл. реж —М. М. Меркулов) и в смысле качества репертуара. А главное, театр становится очагом культуры для широких трудящихся масс.

Самое помещение театра (дирекция — Горсовет) заново отремонтировано, хорошо оборудовано, заведены новые декорации, сукна и т. д.

В состав труппы входят: А. Н. Антифьева, Н. К. Белина, В. А. Верина, Н. П. Весеньева, К. Г. Гончарова, М. И. Гундарева, В. И. Зарницкая, Е. Г. Кузнецова, Н. П. Сердобова, Т. М. Юркевич, Ю. А. Алябьев, А. Н. Аэн-Брянский, Н. В. Борский, П. И. Васильев, Н. Д. Горчаков, А. В. Загорский, В. Е. Иванов, Н. М. Коростылев, П. Г. Лимонов, М. М. Меркулов, К. И. Полянский, М. Ф. Румянцев, М. И. Саларов, В. М. Савин.

Сезон открылся „Любовью Яровой" (бесплатный спектакль для Губс'езда работниц и крестьянок). В дальнейшем ставились „Николай I и декабристы", „Константин Терехин", „Пурга", „Цемент", „Овод", „Моль" и др. Все постановки отмечены добросовестной проработанностью и дружной спаянностью всего коллектива.

В целях приближения театра к массовому зрителю (заслуга дирекции гостеатра, гл. реж. М. Меркулова и гл. адм. В. С. Кузмичева) введена рабочая полоса, общедоступные спектакли (по ценам от 15 к. до 1 р.), рассрочка на билеты. Решено делать выезды в рабочие районы. За первый месяц работы пропущено бесплатно 2000 красноармейцев.

Сборы за первый месяц—7.500 р. (на 3000 р. больше прошлого года).

К. А.

Самарканд

Гостеатр в Самарканде подвергся капитальному ремонту и отделан совершенно заново. Зимний сезон открылся постановкой на узбекском языке „Принцессы Турандот". Перед началом спектакля состоялось торжественное заседание под предс. Наркома Просвещения тов. Рамзи. От Агитпрома ЦК КП Уз. выступил тов. Таджиев. от ЦИК'а — т. Рахими, от ЦК Рабис т. Селихов и др. Ответное слово произнес главный режиссер и директор театра Лев Берковский. Наркомпрос Уз. ССР поднес молодой узбекской труппе театральные костюмы. В настоящем сезоне узбекская гос. труппа значительно усилилась, так как в нее вошли бывшие студийцы 1-й гос. драмат. студии при Инпросе им. Сталина в Москве. „Принцесса Турандот" исполняется в постановке московского режиссера Симонова при лабораторанте Михмудове. Музыка специально написана на основе национальных узбекских мотивов композитором Мироновым.

Кроме бытовых национальных пьес, как „Пуль Ундуруш" („Деньги") т. С. Чалпана, „Арслан" („Лев") т. Фитрата и др., в постановке режиссера т. Уйгура пойдут и переводные пьесы; в первую очередь—„Шторм" (в постановке Льва Берковского) и „Слуга двух господ" (в постановке т. Тихановича). Обращено большое внимание на спектакли детские и для юношества.

Для открытия сезона русской труппы шла „Дочь генерал-губернатора" (в постановке Л. Берковского). Дальше идут „Моль", „Вредный элемент", „Страсть мистера Маррапита". Намечены к постановке музыкальная драма, музыкальная сатира и комедия, усилен балет и в отдельных случаях приглашается Мастхор под руководством Зои Воронцовой. Организован Художественный совет. Директор и главный режиссер — Лев Берковский, работающий в Самарканде уже 5-й сезон. Художественной частью заведует тов. Мещерин. Художники—П. Рябчиков и Е. Каравай.

Состав русской труппы: Буренина Л. И., Вадимова В. А., Василянская М. И., Дружинина А. А., Добролюбова Е. С., Дроздова М. В., Зорина Е. П., Кондратьева И. И., Морская К. Д., Несходовская Л. А., Сперанская Е. В., Степанова М. Д., Бельский Ф. П., Берковский Лев, Быков А. А., Валентинов В. А., Жулинский К. В., Ильвовский А. М., Козлов А. М., Колобов Л. Н. (засл. арт. Республики), Маков Д. П., Мещерин Л. Я., Мальберг В. А., Михайлов В. А., Нелидов Д. Н., Протасов Л. Н., Ратальский Г. Я., Смирнов А. А.

В. ЯН

Санкт-Петербургская Театральная библиотека spb-gtb.ru

ЖИЗНЬ ИСКУССТВА

ТУРЕЦКАЯ ТРУБКА

III ГОДА РТЛП

ШЛАК

К ТРЕХЛЕТИЮ РАБОЧЕГО ТЕАТРА ЛЕНИНГРАДСКОГО ПРОЛЕТКУЛЬТА

№ 18

Санкт-Петербургская Театральная библиотека spbtl.spb.ru

Пляски женщин Узбекистана

(Письмо из Самарканда).

Пляски женщин Узбекистана делятся на 3 типа: бухарские, самаркандские и ферганские;—остальные же приближаются по своему характеру к этим основным трем типам, при чем пляски узбечек имеют свой характер и особенности, пляски таджичек и евреек—свои.

В пляске узбечки сохранилось арабское влияние, в пляске таджички — мидийское, в танцах бухарской еврейки — отголосок плясок древней Палестины.

Женщины Узбекистана сохранили общий характер в своих плясках: симметрию, спиралевидные и вращательные движения и покачивания, что говорит о древней связи с Египтом и Ассирией. Вычурная мелкая витиеватость и однообразный рисунок движения показывают ассиро-мидийское влияние.

Гнет религиозного невежества ярко выявляется в пляске женщины Востока. Скованная нелепыми законами рабыня, она скована и в пляске. Ее попытки освободиться оканчивались поражением, будучи бессильны перед узами корана и талмуда. Эта черта находит свой отпечаток в пляске восточной женщины. Изнеженность, томность и леность завершают общий колорит пляски закрытой женщины, не приспособленной к физическому труду.

Как же танцуют женщины Узбекистана?

Узбекский танец строится не на музыке, а на планировке движений—произвольно у каждой танцовщицы, при полной ее импровизации. Таким образом не движение сопровождает музыку, а музыка сопровождает движение. Музыканты зорко следят за сменой движений, меняют ритм тотчас же вслед за переменой ритма в движениях танцовщицы.

Узбекская женская танцовальная музыка представляет собой ритмический бой двух или трех одновременно действующих бубнов. При этом бубны—«дойра»—то все вместе выдерживают один общий ритм, то совершенно расходятся, исполняя каждый свой обособленный ритм. Заключение танца выдерживается всеми бубнами одинаково. Периодически бой бубнов расцвечивается одним или двумя

Ната Надольская *Узбекский танец в пьесе*

Зоя Воровцова *Узбекский танец „Уфор"*

перекликающимися женскими голосами, а также щелчками и треском кастаньет из камня, который держит во время танца танцовщица. По большей части одной из певиц является сама танцовщица, которая на время пения замедляет и упрощает свои движения.

Танцовальная площадь рассчитана на круг, так что, во время исполнения танцовщица находится в средине, окруженная кольцом сидящих на полу зрителей. Движения не отличаются стремительностью, хотя многие из них достаточно экспрессивны. Но экспрессия узбекской пляски—это экспрессия внутренняя, скрытая в сравнительно малой подвижности.

Узбекская танцовщица движется удивительно осторожно. Движения ног очень однообразны и незначительны. Зато все искусство танцовщицы заключается в верхней части корпуса: пояснице, плечах, груди, а главное, в руках и мимике лица. Ноги почти не видны под длинной жесткой рубашкой. Для танцовщицы достаточно медленно и плавно проплыть вдоль круга зрителей. Зато раскрашенные хной и разукрашенные золотом, камнями и дорогими вышивками руки и убранная длинными бесчисленными косчиками, серьгами и кокошником голова является базой танцовального искусства.

Танцовщица бережно и с любованием чуть колышет руками, меняя десятки поз и лишь иногда судорожно вздрогнет, вся передернется и поведет змееподобно из стороны в сторону головой. В самый разгар танца танцовщица, колыша руками, низко изгибается назад и даже совершенно ложится навзничь, касаясь косами ковра,—и вдруг, выпрямившись, подернет бровями и уже нежно покачивается на месте. Внезапный вихрь подхватит танцовщицу, и она, обойдя быстрыми вращением круг зрителей, низко склоняется перед публикой.

Обособленных движений для каждого танца в отдельности почти нет. Движения из одного танца повторяются в другом, но лишь в ином ритме, а иногда комбинируются с другим движением другой части корпуса.

Общий характер узбекских плясок: нежная, томная медлительность, переходящая местами в скрытый кокетливый задор. Следующий за кульминационной точкой медлительности взрыв быстрого ритма переходит вновь в успокоение и первоначальную, томную, грациозную медлительность..

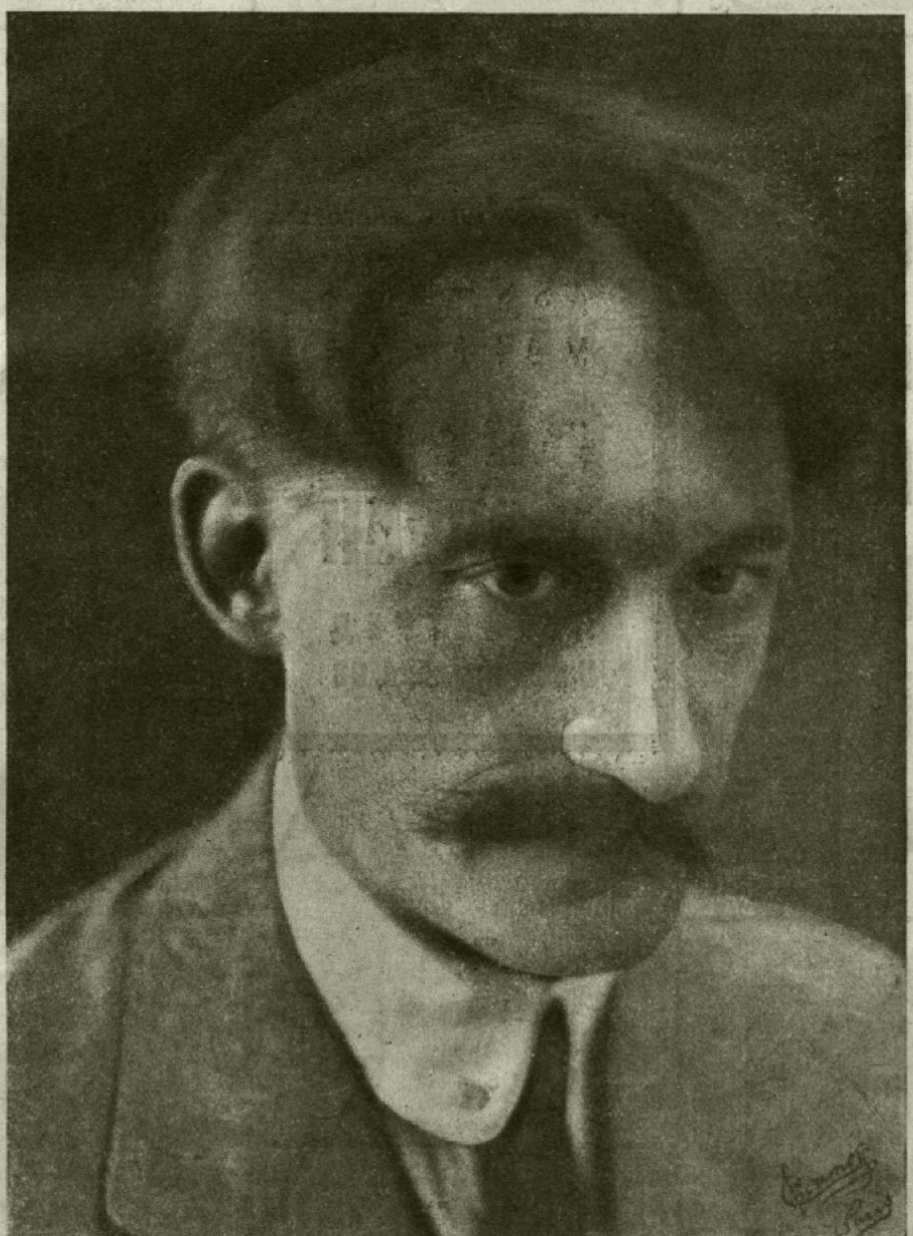
Такова основа узбекского хореграфического искусства закрытых женщин.

В. ЯН.

Санкт-Петербургская Театральная библиотека spti.spb.ru

ЖИЗНЬ ИСКУССТВА

8/36/4

АНРИ БАРБЮС

(К его приезду в СССР)

№ 30

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Узбекский народный театр

Современный узбекский театр еще молод, он не насчитывает и двадцати лет (первая пьеса «Махрамляр» написана в 1910 г.), но корни его лежат в узбекском народном театре, прошлое которого теряется в глубокой древности. Тот народный театр, представления которого можно случайно встретить на площадях Ферганы, Бухары, Хивы и других округов Узбекистана, еще совершенно не исследован, а исполняемые пьесы никем не записаны. Они частью передаются от одних артистов другим, а в значительной степени импровизируются.

Нужно упомянуть и об узбекском «Петрушке» («Кукурчак-Боз»—буквальный перевод: «игра фигурками»), с деревянными куклами, которые показываются из-за занавесок, при чем хозяин выкрикивает свистящим голосом фразы, которыми обмениваются его искусственные артисты.

Другой вид театра напоминает турецкого Карагеза или Орта-Оюны. Представление дают актеры из народа на круглой площадке, в роде цирковой, вокруг которой сидят на земле и стоят зрители. Актеры напоминают клоунов, одеты пестро, лица их размалеваны. Такой театр узбеки называют «Кызык-чилык» (забавный).

Вот образец исполняемой пьесы. Собралась молодежь, поют, веселятся, пляшут. Приходит райс,—духовное лицо, обязанное наблюдать за нравственностью граждан. До революции райс обладал высшей властью в квартале имел право арестовать нарушающего предписания Корана; его слуга, имевший плеть с широким воловьим ремнем, шириной в три пальца,—обязан был, по указанию райса, стегать правоверного, нарушившего пост или неисполнившего во-время молитву и т. д.

Сердитый райс жалуется на шум, производимый молодежью: «Если вы не дадите мне покоя, я должен буду бросить мой дом и уйти, куда глаза глядят...» Актеры отвечают, что они ничего не делают дурного: «можете сами удостовериться». Комики начинают петь и танцовать. Райсу так все это нравится, что он сам начинает приплясывать и в конце концов оказывается побежденным молодежью.

Другой сюжет исполняется одним актером, прикрытым с головой своим же халатом. Подражая своеобразной манере говора у кочевников, актер поочередно изображает вдову, скучающую в своей юрте, и пьяного, упившегося айраном киргиза, который к ней ломится и, наконец, проникает к взаимному в конце концов благополучию.

Сюжетов народного театра Кызык-чилык много, и они, большей частью, старинного происхождения. Действующими лицами здесь являются типичные представители древнего мусульманского мира, теперь постепенно вымирающие: мулла, ишан, казий, судья, раис и др. Однако, в настоящее время талантливые камики из народа создают новые формы представлений, захватывая современные темы.

Так, например, в Андижане, на площади фруктового базара, в т. н. Гархи-Паляк, сосредоточилось около десяти крупных Чай-Хане—излюбленного места встреч и бесед узбеков. Владельцы этих чайных выписывают в складчину народных артистов и музыкантов, обычно во время праздников Рамазана.

В г. Фергане (быв. Новый Маргелан) имеется постоянная народная труппа, в которой участвуют знаменитый комик-рассказчик Юсуп-Джан, танцовщица Тамара-Ханум и певец Кари-Якубов.

Особенно популярен рассказ Юсуп-Джана про молодого лысого узбека, которого отец заставляет насильно выбрить. Юсуп-Джан одевает на голову полотенце, концы которого изображают бороду, и поочередно имитирует старика отца, лысого сына и брадобрея.

В народном узбекском театре интересна особая форма веселого диалога, т. наз. «Аз-Кия» (остроты), где требуется находчивость и уменье моментально остроумно ответить. Обыкновенно говорят двое на одну тему, затем ее меняют на другую. Также диалоги импровизируются.

При узбекской гос. труппе в Самарканде создана особая комиссия для изучения народного театрального творчества, которая, можно надеяться, соберет и сохранит образцы этого своеобразного восточного театра.

ВАСИЛИЙ ЯН.

программе эстрадного характера. С успехом выступили Инна Рович (исп. этнограф. песен) и Федор Любимов (балет). В дальнейшем программах должно быть отмечено участие основной группы моск. театра «Синяя блуза». Параллельно работает курзал в Саках (с теми же силами). Гортеатр довольно вяло обслуживается укр. труппой. В парке курзала играет симф. оркестр под упр. В. Березовского, пытающийся подняться над уровнем садовой музыки. В самом курзале намечено открытие симф. концертов с участием пианиста А. Зейлигера, певицы Р. Липовской и скрипачки Т. Заветновской.

В Свердловске гастроли театра им. Мейерхольда прошли с выдающимся художественным и материальным успехом. В репертуаре: «Лес», «Рычи Китай», «Мандат», «Ревизор», «Горе уму», «Д. Е.», и «Бубус». ГосТИМ ведет в Свердловске широкую общественную работу. На диспуте о современном театре с докладом выступил В. Э. Мейерхольд. Было проведено несколько бесед с рабкорами об отдельных спектаклях. Проводится анкета среди зрителей. Театр установил связь с рядом рабочих клубов Урала. Многие руководители драмкружков приходили за консультацией по репертуару и по содержанию и формам клубно-художественной работы. Работники театра проводили беседы с кружководами, знакомили их с московской клубной работой, давали списки пьес и пособий.

В Липецке в этом году в театре «Курзал» успешно работает на 50 проц. гарантии от курорта и Упрофбюро драмколлектив под упр. гл. реж. Н. И. Саулиди. В составе труппы: И. И. Изборская, Е. К. Негина, П. Ф. Орлова, К. Ю. Рахманова, Е. А. Соловьева, Л. А. Стратан, М. М. Черкасская. С. И. Гур-Арье. П. И. Лапшин, Д. В. Милославский, Я. Я. Муратов. Л. Н. Ритер. Н. И. Саулиди. В. Н. Смирнов, В. С. Томский, Д. С. Хохлачев, А. А. Чужбинский, Н. И. Ястребов. В репертуаре «Приговор», «Луна слева», «Миллион наличными», «Лес», «Пять ночей», «Растрата», «Сестры Жерар», «Дурман», «Осенние скрипки», «Тайна замка Чантворт», «Яд», «На дне». В саду играет симф. оркестр под упр. С. М. Старикова, в течение целого ряда лет выступающего здесь в качестве дирижера.

В Полоцке на гарантии от Политпросвета работает в гортеатре труппа драмы и музкомедии, сформированная Ленпосредрабисом в составе 25 чел. Зав. худ. частью и главн. режис. — В. В. Познанский, в составе труппы: Геркен Н. В., Кафафова Е. К. Кольман Е. А., Кузьмина Н. К., Минаева С. Н., Нарышкина С. Г., Туманова Н. В., Феличе В. В., Эрн Е. Н., Яковлева В. Н., Арбенин Ю. А., Вадов В. Б., Гремин В. А., Гриднев Я. Ф., Долгинцев Н. И., Кириллов М. В., Макаров П. А., Мацкевич В. А., Миллер М. А., Познанский В В., Смирнов Л. Д., Тверской В. А., Траянов З. С., Федоров Б. А. Режиссура — в руках В. В. Познанского, В. А. Гремина и Н. И. Долгинцева. Дирижер — М. А. Миллер. Балетмейстер—Е. А. Кольман. Поставлены: «Пять ночей», «Приговор», «Конец Криворыльска», «Рассказ о простой вещи», «Девушка из Сирии», «Город Хмельной», «Обетованная земля», «Сакко и Ванцетти», «Золотое дно», «Иван Козырь и Татьяна Русских», «Рельсы гудят», «Волчьи души» и друг. Посещаемость при ежедневных спектаклях составляет 60—65 проц.

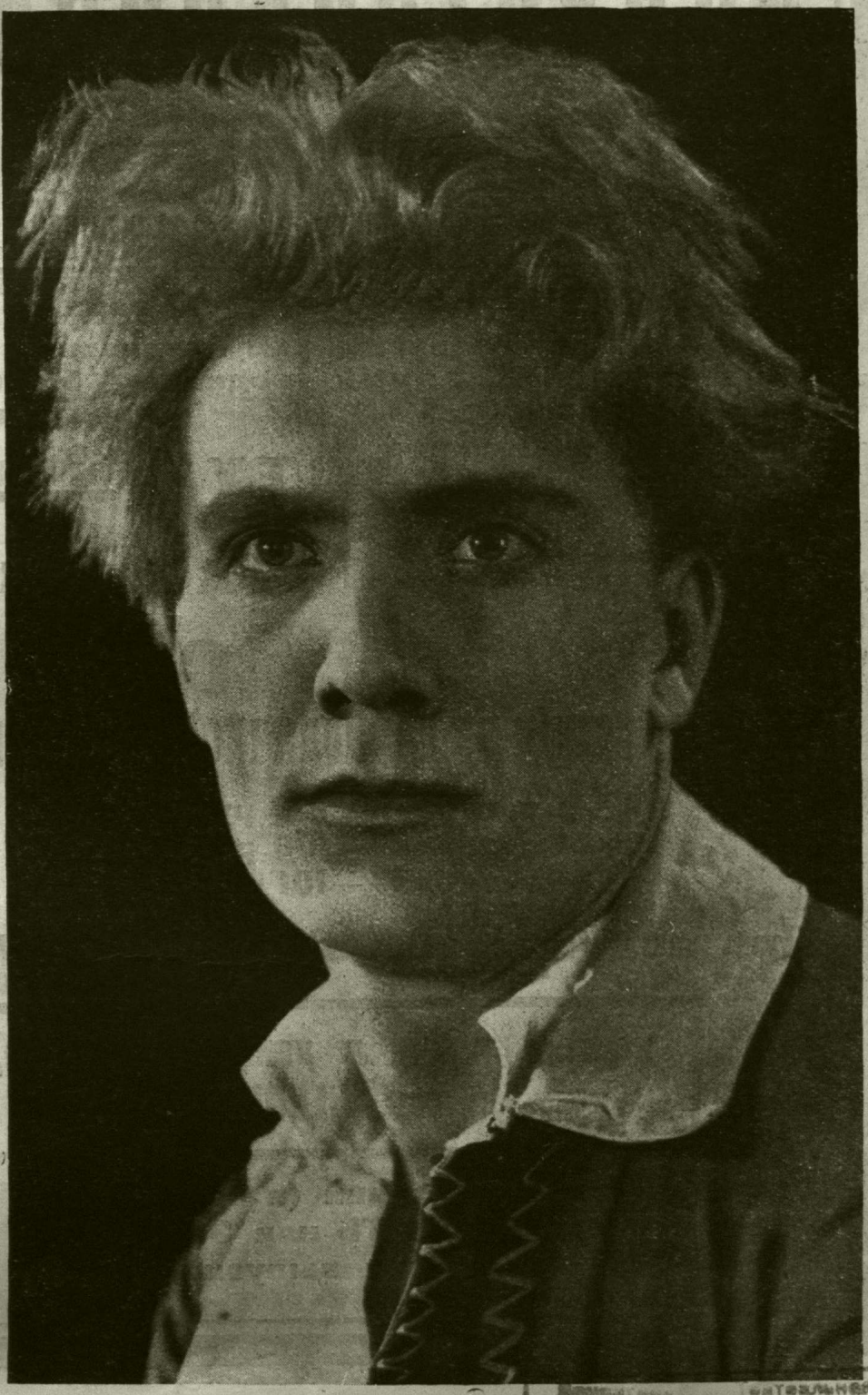
Санкт-Петербургская Театральная библиотека spbtlib.ru

ЖИЗНЬ ИСКУССТВА

К ВЫПУСКУ нового ФИЛЬМА
СОВКИНО
совместно с БЕЛГОСКИНО

„КАСТУСЬ КАЛИНОВСКИЙ“

из истории белорусск. восстания 1863 г.
Режиссер В. Р. ГАРДИН
Оператор Н. Г. АПТЕКМАН

Артист Ленинградск. Акдрамы
Н. К. СИМОНОВ
в роли „Кастуся Калиновского“

№ 40

Санкт-Петербургская государственная театральная библиотека
spbl.spb.ru

Заслуженные артисты армянской акдрамы: Папазьян Ваграм, Арус Восканян и Макелян.

Перспективы оперного сезона в Тифлисе

Тифлисская госопера усиленно готовится к зимнему сезону, открывающемуся в средних числах октября. Вновь назначенный директор Л. Джапаридзе заключил в Москве и Ленинграде ряд договоров с оперными артистами на гастроли в Тифлисе. В отличие от прошлых лет, договоры обусловливают гастроли каждого артиста только по одному месяцу. Этим будет дана возможность показать местным зрителям многих им еще неизвестных артистов.

Из приглашенных артистов укажем на арт. ленингр. театров Кобзареву, Сливинского, арт. моск. театров Е. Степанову, С. Мигая, А. Брагина, Гр. Пирогова; из балетных сил приглашены Абрамова и Габович.

Что касается репертуара, то в этом году театр покажет новые постановки: «Амиран» Мегвинет и Ухэцеса, «Четыре деспота» Вольфа-Феррари, «Сын солнца» Василенко (текст Гальперна), «Лакмэ»—с новым текстом М. Гальперна, «Турандот» Пуччини, «Перикола» и др. Из балетов включены в репертуар: «Красный мак» и «Лебединое озеро». Кроме того, будут возобновлены — «Абессалом и Этери», «Коварная Тамара», «Сказки Гофмана», «Паяцы», «Аида» и др.

Заведует художественной частью и главный режиссер—засл. арт. Республики Н. Боголюбов. Дирижировать будут нар. арт. И. Палиашвили, А. Павлов-Арбенин и В. Шеффер. Балетмейстеры Р. Баланотти и С. Сергеева. Художниками приглашены—Е. Ахвледиани, И. Новак, И. Гамрекели и Н. Пеленкин.

Желая сделать спектакли доступными самым широким слоям населения, дирекция выпустила абонементы, предоставляющие скидку с обычных цен. Каждый абонемент обнимает 10 спектаклей, из них—4 новых постановки, 4 возобновленных и 2 балета. Членам профсоюзов предоставляются скидка и кредит на 6 месяцев. Абонементы имеют большой успех, и предварительная продажа, открывшаяся 1 сентября, дала блестящие результаты.

Н. Д.

Туркменская студия в ауле

(Письмо из Ашхабада).

Вернулась из поездки по районам Туркмении туркменская драматическая студия. Студия выезжала в полном составе (30 человек, в том числе 5 женщин), с собственными декорациями, бутафорией и костюмами. Поездкой руководили: директор студии—директор туркменского гостеатра Бурнашев и гл. реж. Кемал-Первый.

Большинство постановок студии прошло бесплатно для учащихся, членов союза Кошчи и батраков. За время поездки студию-театр посетило 3570 человек, преимущественно дейхан, из них более 40% женщин. Посмотреть на невиданное зрелище дейхане приезжали целыми семьями.

Одновременно с театральными постановками, студия принимала участие в агитационной кампании по крестьянскому займу, в успехе которого сыграла значительную роль.

Успех туркменской драматической студии при ее первом выезде на места — в аулы—отмечен особым постановлением Наркомпроса ТССР.

Ал. ОБЛОНСКИЙ

Узбекская драма

Начало молодой узбекской драмы обычно приписывается Бех-Буди, известному узбекскому общественному деятелю и издателю прогрессивного журнала, в котором он разоблачал хищническую жизнь бухарского эмира, его приближенных и мусульманского духовенства. Во время гражданской войны Бех-Буди был захвачен отрядом эмира и зарезан вместе с несколькими своими товарищами. В настоящее время город Кариш, где был убит Бех-Буди, назван именем этого драматурга.

Однако, еще до Бех-Буди была пьеса на узбекском языке под названием «Махрамляр» («Приближенные»), написанная татарином из Симбирска, народным учителем Абдурауф Шахиди. В этой пьесе рисовалась жизнь ишанов, духовных руководителей доверчивого народа, при чем эта жизнь была изображена столь откровенно, что пьеса была признана «порнографической» и не была поставлена на сцене, но зато она имела широкое распространение в рукописном виде.

В начале настоящего столетия еще не было достаточно образованных узбеков, понимавших задачи национального театра.

В 1923 году любителями была поставлена первая пьеса Бех-Буди под названием «Падар-Куш» («Отцеубийца»). Сюжет пьесы—следующий. Бай—купец—не считает нужным дать образование своему сыну и оставляет его невеждой. Избалованный сын становится мотом, вором и в конце-концов убивает своего отца. В этой пьесе впервые узбекский интеллигент призывает отцов отдавать сыновей не в старую мусульманскую рутинную школу, а в русскую или турецкую, так называемую «новометодную» школу. Эта пьеса Бех-Буди имела выдающийся успех и ставилась любителями во всех городах Туркестана. Пьеса наделала много шума, и вследствие некоторой бытовой ее революционности (осмеивания богатого класса) старое правительство обеспокоилось и стало преследовать исполнителей, как опасных революционеров.

Вскоре появились пьесы Шукрулаева — бытового и комического характера. В пьесе «Мазлюма-Ханум» («Угнетенная женщина»), переведенной на русский язык проф. Л. Вяткиным, поднят поход против многоженства и рисуется печальная участь узбекской женщины, запертой в «ичкари» (женская половина), закрытой паранджой и лишенной всякой личной свободной жизни. Сюжетом является разлад в семье, возникающий после того, как узбек вводит в дом вторую жену.

Другие пьесы того же автора—«Той» («Свадьба»), «Урок в старой школе», «Опиокуры» и др. — имеют комический элемент и осмеивают укоренившиеся старые обычаи узбеков. В настоящее время тов. Шукрулаевым закончена пьеса «Бех-Буди», в которой героем выведен этот выдающийся узбекский культурный деятель.

Популярным драматургом нынешнего узбекского театра является Абдурауф Фитрат, профессор Высшего Педагогического Института в Самарканде, автор исследования «История узбекской музыки» и других книг. Перу т. Фитрата принадлежат пьесы «Арслан» («Лев»), «Чин-Севиш» («Истинная любовь»), «Хинд Итилаль-Чиляри» («Индийские революционеры»). Последняя пьеса

Санкт-Петербургская Театральная библиотека spbtlib.ru

Летний сезон драмы в Иваново-Вознесенске

Художественная часть драмтеатра вступила в летний сезон неподготовленной. После первых трех не вызвавших возражений постановок («Приговор», «Луна слева», «Клад дворянина Собакина») и, пожалуй, четвертой — «Золота» О'Нейля (пьесы для лета, правда, несколько «камерной») — репертуар театра пошел под уклон. Забросив производственный план, в свое время предложенный на утверждение Губернского Художественного Совета («Человек с портфелем», «Тартюф» и др.), театр возобновил набивших оскомину еще зимой «Ваньку-ключника» и «Пять ночей», а для новых постановок не придумал ничего лучшего, как вульгарнейшую «Девятую жену Чулина», сомнительную «Моль» и бульварно-романтическую «Незнакомку норд-экспресса»... Театр показал также «Последнюю ставку» (Вагрямова и Петрашкевича) — «смесь второго сорта» из «Приговора», «Амбы», «Пяти ночей», «Моли» и других пьес, показанных в различное время ивановскому зрителю в оригиналах. Немудрено, что в этом гибельно покачнувшемся репертуаре исключениями показались «Квадратура круга» и «Карьера министра»...

С хаотическим художественным «планом» шло в ногу административно-хозяйственное руководство, приведшее в середине сезона к смене директора. Впрочем, вступление нового директора, человека с театральным делом совершенно незнакомого, на судьбе сезона сказалось ничтожно. Общественная значимость театра, в частности—смычка его с профсоюзами, достигнута не была, художественный совет театра так и не был образован, качество репертуара не поднялось, выручал попрежнему «Ванька-ключник», прошедший за зиму и лето 40 раз!.. В итоге иваново-вознесенский драмтеатр за летний сезон шагнул назад, растеряв былые свои достижения.

Труппа, работая на сомнительном материале случайного репертуара, была лишена возможности проявить себя на привычном уровне мастерства и жила на проценты с капитала минувшего зимнего сезона. Лучшими спектаклями следует признать «Квадратуру круга» и «Карьеру министра» (закрытие сезона). Катаевский пустячок очень неплохо разыграли К. М. Ветрова (Людмила), М. Е. Благовещенская (Кузнецова), Р. О. Юрьев (Абрам) и С. А. Глятер (Василий). Напрасно лишь творец этого приятного спектакля реж. Е. М. Муромский перегрузил второй акт вставными дивертисментными номерами. Удачно разошлись роли в «Карьере министра»: Л. И. Ареньева — Констанция, Б. А. Листов — Марч, Р. О. Юрьев—Редлих, П. П. Званцев — фон-Коппен.

С закрытием летнего сезона закончилась полуторагодичная работа в Иванове глав. реж. Е. П. Муромского. С 1 мая 1927 года по сентябрь 1928 года Муромским проделана добросовестная и большая работа по созданию и укреплению стационарно-передвижного театра, единственной действенной формы театра в условиях рабочего района. Со стороны художественной театр имел ряд интересных и значительных постановок («Слуга двух господ», «Штиль», «Пурга», «Розита», «Смерть Пушкина», «Константин Терехин», «Вредный элемент», «Укрощение строптивой», «Разлом»). Покинули Иваново и ближайшие сотрудники Муромского—худ. К. К. Медунецкий, о работе которого мы имели случай не раз положительно отзываться, и пом. реж. П. А. Лилин, опыту и настойчивости которого спектакли трех последних сезонов обязаны своей стройностью и дисциплиной.

Из среды уехавших актеров следует назвать Л. В. Орлову, А. Я. Брянскую, М. Е. Благовещенскую (прослужили непрерывно 1½ года), Л. И. Ареньеву, Б. А. Листова, П. П. Званцева, К. М. Ветрову, Р. О. Юрьева, М. А. Буйного (прослужили год) и В. И. Мясникова, работавшего в Иванове на протяжении трех зимних и одного летнего сезона. Работа всех этих актеров отмечена была сыгранностью и крупными индивидуальными достижениями. Часть труппы осталась работать и дальше.

Большим успехом сопровождались в Иванове и губернии гастрольные спектакли театра им. МГСПС, показавшего «Рельсы гудят», «Мятеж» и «Человек с портфелем». Высокий уровень актерского исполнения был сохранен театром во всех названных постановках, не исключая и «Человека с портфелем», спектакля, не имеющего, как известно, московской пробы.

В пьесе А. Файко сценически выпуклые фигуры дали Б. И. Пясецкий — Гранатов, засл. арт. Е. А. Лепковский — Андросов и В. М. Аристов—Редуткин.

В «Рельсы гудят» город горячо отметил Г. П. Коврова (Новиков) и Е. А. Лепковского (Паршин).

В. Я.

показывает борьбу индийских революционеров за независимость Индии. Автор много путешествовал по ближнему Востоку, жил в Индии, и поэтому пьесы т. Фитрата имеют особую ценность, как принадлежащие перу автора, близко знакомого с жизнью нового, пробуждающегося Востока. Будучи знатоком персидской литературы и языка, т. Фитрат недавно написал на таджикском языке (диалект персидского) драму «Шур Воссэ» («Восстание Воссея»), описывающую борьбу национального героя узбеков Воссея. Хотя таджики живут целые столетия вместе с узбеками, но почти совсем не имеют своей письменной художественной литературы; поэтому пьеса Фитрата, написанная в стиле монументальной трагедии, представляет для таджиков значительную ценность. Остальные пьесы Фитрата, написанные по-узбекски, носят тоже характер героических трагедий, но в художественном отношении грешат чрезмерным нагромождением публицистики.

К популярным пьесам надо причислить музыкальную драму «Халима», поставленную бесчисленное количество раз любителями в различных городах Узбекистана. Автор, Гулям Захари, использовал в пьесе исключительно национальные узбекские мелодии. Содержанием служит насильственная выдача замуж девушки престарелому купцу за большой калым.

К новейшим пьесам принадлежат произведения популярного лирического поэта Чалпана. Им написана драма «Яркин-Ой» (имя героини); сюжетом для нее послужила народная легенда, рассказывающая о том, как садовник полководца ханской армии восстал против правительства и при поддержке народных масс овладел столицей. Единственная дочь полководца увлечена подвигами героя-садовника и помогает ему в его борьбе. В этой пьесе, между прочим, интересен тип шута, играющего роль шпиона.

Веселая комедия т. Чалпана «Яна Улянамак» («Еще хочу жениться») написана по рассказу народного комика Юсун Джана.

Новейшая пьеса Чалпана «Замана Хатыны» имеет целью изобразить уже современную узбекскую женщину, которая избирается председательницей сельского совета в кишлаке.

Для узбекской гос. труппы Чалпаном переведены на узбекский язык: «Турандот», «Шторм» и «Рост». Узбекская гос. труппа исполняет также «Ревизора» Гоголя, в переводе студента Хидаят-Файзи, и «Скупого» Мольера, в переделке с турецкого.

К числу часто исполняемых пьес следует прибавить старые музыкальные драмы «Лайли и Мажнун» и «Асли и Карам», переведенные с азербайджанского татарского языка и построенные на национальных узбекских мотивах, но по проникающей их идеологии совершенно не подходящие к современным течениям.

В то время, как первоначальная узбекская драма носила на себе отпечаток турецких и татарских пьес, в настоящее время она все более освобождается от этого влияния и приобретает независимый национальный характер, сближаясь со старым народным узбекским театром (См. «Ж. Иск.» № 30).

В виду существования хорошо подготовленной узбекской гос. труппы и многих любительских кружков, руководимых опытными режиссерами, узбекская драма теперь переходит в интересную стадию более широкого развития и пользования новейшими театральными формами.

Василий ЯН.

Санкт-Петербургская Театральная библиотека spti.spb.ru

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЁК»

В. ЯНГ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ЧЕТЫРЁХ ТОМАХ

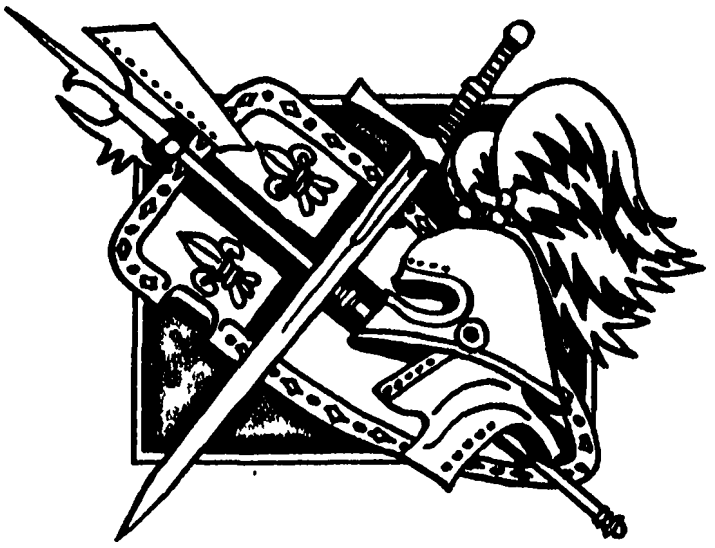

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА 1989

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЁК"

В. ЯНГ

БАТЫЙ
К „ПОСЛЕДНЕМУ МОРЮ"
РАССКАЗЫ

ТОМ
3

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА" МОСКВА 1989

попросил на короткое время оставить его одного, чтобы он мог подумать и прочесть необходимые молитвы перед вступлением в новый, счастливый период своей жизни.

Все вышли из камеры и ждали в коридоре, тихо переговариваясь. Ждать, однако, пришлось долго. Наконец Иоахим приоткрыл дверь и с криком бросился в камеру. Все последовали за ним и увидели, что бывший великий канцлер лежал на полу с разбитой головой: он сам размозжил ее о каменную стену. Кровь залила все его лицо. Он сжимал в руке обломок камня, а на стене, на плесени, появилась новая нацарапанная надпись:

«Я не хочу получить из рук злобного, несправедливого императора Фридриха никакой милости, никакого дара, хотя бы даже это была моя желанная свобода...»

1944(?)

ТРИ СЧАСТЛИВЕЙШИХ ДНЯ БУХАРЫ

(Сказка)

Некоторые старые туркестанцы, быть может, помнят о Сала-Эддине, который появился в Бухаре, как вспышка яркого света, как непонятная, неожиданная встряска всей бухарской жизни.

Это был сын (один из многочисленных) предпоследнего эмира Мухаммеда Али Бахадур-хана, и то, что он наделал в Бухаре, вызвало такой переполох и такое волнение во всех религиозных организациях и братствах знатнейших «святых» имамов, муштехидов, улемов и так далее, что они потом в течение многих лет с ужасом шепотом говорили о Сала-Эддине, как о неожиданном появлении Иблиса или джинна.

Однажды, проезжая по городу, эмир заметил около мануфактурной лавки девушку, покупавшую цветной платок. У эмира бывали внезапные капризы и причуды. Ему понравилась эта девушка, ее голубые глаза, печальные и ласковые, ее тонкий юный стан, и он приказал сопровождавшему его куш-беги узнать, кто она.

На другой день куш-беги уже доложил, что девушку зовут Асафат-Гуль, что ее отец торговец старинными книгами, что Асафат-Гуль ему помогает в переписке книг и делает это замечательно искусно. Отец, Ахмед-Китабчи,

знаток восточной мудрости, много путешествовал, жил в Каире, Стамбуле, Багдаде. Всюду он разыскивал старинные книги и собрал большую библиотеку. Родом он узбек, а жена его — татарка из Казани, и от нее у Асафат белое тело и голубые глаза.

Причуды эмира здесь проявились в том, что он призвал к себе Ахмеда-Китабчи, долго с ним говорил о его путешествиях, отобрал много книг для своей знаменитой, редкой по богатству библиотеки и щедро ему заплатил, а в конце концов заявил, что берет его молоденькую дочь себе в жены: «Среди моих жен еще не было ни одной ученой».

Свадьба была очень скромной, потому что Ахмед-Китабчи сам просил об этом. Эмир отвел для Асафат-Гуль небольшой домик с садом и виноградником. Он часто к ней приезжал, слушал, как она ему читала отрывки из древних узбекских поэтов, и беседовал с ней на разные политические темы. Асафат-Гуль, как полутатарка, имела свободные и независимые мнения и рассказывала эмиру, как живут азербайджанские и татарские девушки, как они учатся в гимназиях и на высших курсах, что от этого никакого разврата нет; они с увлечением изучают науки, особенно медицину, делаются фельдшерицами и врачами и оказывают замечательную помощь мусульманским женщинам, запертым в ичкари, которые не любят и боятся докторов-мужчин.

С тихой, умной Асафат-Гуль эмир прожил в очень дружеских отношениях несколько лет и с любовью ласкал Сала-Эддина, мальчика, которого она ему подарила. Этот период дружбы с Асафат-Гуль имел очень хорошее влияние на эмира, обычно раздражительного, легко впадавшего в бешенство, когда он десятками казнил или бросал в страшные подземные ямы — зенданы — всех вызвавших его немилость.

Родственники несчастных обращались к Асафат-Гуль, и она умела спокойно и ласково разгладить морщины на лбу эмира, умоляя его прощать виновных и освобождать из заключения невинно пострадавших.

Этот период морального влияния Асафат-Гуль на свирепого владыку считается одним из самых светлых в истории Бухары.

Когда мальчику было семь лет, Асафат-Гуль получила разрешение эмира пригласить учителя-татарина для преподавания ему русского языка и письма и старого улема, который должен был просветить ученика в арабской богословской мудрости.

В это время эмир стал ездить в Крым, на свою великолепную дачу. Один раз он с собой увез и Асафат-Гуль, но вскоре отправил ее обратно, стесняясь при ней устраивать разгульные пиры со своими приближенными.

Когда Сала-Эддину исполнилось семнадцать лет, эмир разрешил ему, по просьбе Асафат-Гуль, вместе с учителем-татарином уехать в Константинополь, чтобы там поработать в библиотеках Стамбула. Говорят, что сын из Константинополя отправился в Египет, в Каир, оттуда в Париж. Учитель-татарин так осторожно и замкнуто жил со своим воспитанником за границей, что эмир ничего не подозревал о том, где и как они проводили свое время.

Только через два года эмир узнал от бухарских купцов, что Сала-Эддина в Константинополе нет и он бродит по Европе. Это рассердило его, но он все же послал своего старого векиля с письмом, в котором только говорил: «Пора вернуться на родину».

Сала-Эддин сейчас же приехал в Крым, на дачу к отцу. Эмир был восхищен стройной фигурой сына, его скромностью, умением носить европейский костюм, умением говорить по-турецки, арабски, французски и в благодарность подарил ему золотой перстень с бриллиантом, а учителю — с жемчужиной.

Сала-Эддин провел больше месяца у отца — все время в беседах. Он доказывал, что в Бухаре надо ввести новые порядки, что нельзя управлять народом только террором и казнями, что нужно дать подданным надежду на новую жизнь. Он умолял отца выпустить на волю всех сидящих в зенданах и тюрьмах, простить осужденных на смерть, изгнав их из пределов Бухары.

— Никогда до сих пор ни один эмир не разбрасывал щедро милости, никогда он не давал прощения тысячам страдающих. Попробуй свою строгость заменить такой лаской, чтобы все население тебя благословляло... И имя твое будет прославляться и сейчас, и в веках.

Эмир хмурился, но с удивлением слушал сына.

— Ты знаешь сказку Шехерезады «Тысяча и одна ночь»? Там говорится, как халиф поручил одному крестьянину заменить его на несколько дней и сколько добра за это время сделал крестьянин.

На эмира напала одна из его причуд:

— Хорошо. Я тебе поручаю заменять меня в Бухаре в течение трех дней и даю тебе всю власть казнить, прощать, выпускать из тюрем и сажать в зенданы.

Придворные каллиграфы написали высочайший указ,

который давал Сала-Эддину всю власть в Бухаре: «Как будто мы сами приказывали».

Первый день пребывания в Бухаре Сала-Эддин провел у своей матери в беседах и рассказах о том, что он видел в Европе и у эмира.

На другой день он, уже в бухарском халате, с ханской саблей на боку и в тюрбане, появился в главном тронном зале эмира и призвал к себе всех старейших и ближайших сотрудников отца.

Сала-Эддин передал приказ куш-беги, тот его передал кадию-колону, который трижды прочел высочайший указ, и всё высшее духовенство и сановники с изумлением слушали о необычайной власти, которую получил молодой сын эмира. Все остальные сыновья эмира были в страшном негодовании.

Сала-Эддин держался очень строго и твердо. Он заявил, что властью, полученной от отца, он будет давать распоряжения, и горе тому, кто их не исполнит. Затем он всех отпустил, приказав остаться только куш-беги и начальнику бухарских войск. Он объявил, что начальником армии временно назначает своего татарского учителя, приказав ему выбрать из сарбазов самых надежных 50 человек и поставить их стражей во дворце. Во дворе они разбили лагерь, развели костры, стали в котлах варить рис и сидели тесным кругом, распевая свои полудикие песни.

Утром дворец был полон знатнейшими жителями Бухары. Все хотели выразить свое почтение новому заместителю его величества эмира.

Эмир Абдулла Мухаммед Али Бахадур-хан обыкновенно принимал своих подданных, сидя на золоченом троне. Правую руку он держал на подушечке, прикрепленной к ручке кресла, и каждый подходивший получал милостивое разрешение поцеловать руку, украшенную драгоценными перстнями.

Сала-Эддин принимал стоя, поставив одну ногу на нижнюю ступеньку трона. Он обратился к пришедшим с такими словами:

— Али-Хазрет Сейид эмир [1] находится сейчас в Крыму, в своем дворце-даче. Он очень болен, настолько, что русский император прислал экстренным поездом своих врачей, сестер милосердия и аптекарей.

— А чем болен наш обожаемый повелитель, свет мира?

— У него воспаление легких, осложненное плохим состоянием сердца.

---

[1] Али-Хазрет Сейид эмир — его величество высокородный эмир.

— Да хранит его аллах! — раздались восклицания.

— В минуту опасной болезни его величество послал меня сюда, в Бухару, щедро разбросать горсти благодеяний и ласки на всех страдающих, бедствующих и угнетенных, чтобы молились о его здоровье во всех мечетях священного города. Я получил высшее разрешение его величества действовать по своему усмотрению: «Как будто мы сами приказывали»,— и в этом мне выдан указ за собственноручной подписью его величества, с приложением золотой печати.

Все стояли, раскрыв рты, и с удивлением посматривали друг на друга, ожидая, что будет дальше.

Сала-Эддин продолжал:

— Теперь слушайте меня, почтенные люди Бухары. Я хочу дать народу три дня радости, полной, беспредельной солнечной радости, и волей, мне данной, приказываю:

1. Открыть все тюрьмы «об-хона» в Бухаре и выпустить арестованных на свободу. Пусть судьи во главе с кадием-колоном не ужасаются и не ворчат.

2. Повелеваю: призвать сто рабочих с веревками. Пусть они спустятся во все зенданы и оттуда вытащат гниющих там заключенных. Эти же рабочие пусть вымоют несчастных, а смотритель дворца каждому выдаст шаровары, халат, кавуши и чалму. Все освобожденные в течение трех дней могут уходить куда хотят, даже за пределы Бухары.

3. Разрешаю всем желающим свободно читать газеты, русские и другие, и отныне это чтение не будет считаться государственным преступлением.

4. Я высоко ценю преподавание по книгам ислама и уважаю всех муштехидов, улемов, всех, кто преподает священное слово, и щедро награжу всех тех, кто достойно держит закон веры. Но нельзя бухарскому народу оставаться на той ступени знания, на которой шло преподавание пятьдесят и сто лет назад. Нам необходимо в Бухаре открыть университет, где бы в первую очередь преподавали медицину. Разве не в Бухаре впервые зазвучал голос Абу Али Ибн-Сины, ставшего мировым светочем науки и гордостью бухарского народа?

Университет открыть завтра же и для этого составить комиссию под председательством моего наставника Газиза Губайдуллина, с правом приглашения профессоров.

5. Всем сарбазам, которым задержано жалованье, уплатить за три месяца вперед, взяв необходимые средства из специальной сокровищницы его величества.

Мои приказания окончательны и отмене не подлежат. Можете идти!

В этот вечер Сала-Эддин был у своей матери. Она внимательно его выслушала, и по ее прекрасному лицу потекли слезы.

— Мой дорогой сын! Все, что ты приказал,— чудесно. Три дня бухарский народ будет счастливейшим из всех народов. Не думаешь ли ты, что можно изменить те суровые, страшные обычаи, которые установились в Бухаре в течение столетий? Все эти муштехиды, имамы, улемы, муллы, дервиши не допустят никаких новшеств, и страшные наказания и смертные казни снова воцарятся, потому что его величество, твой отец, не верит своему народу и думает, что его можно держать в руках только ужасом. Это самая неправильная политика.

Сала-Эддин засмеялся:

— Я все это прекрасно знал, но я хотел дать Бухаре три дня чудесной сказки, незабываемой сказки за все время существования моей родины.

Сала-Эддин задумался, опустился на ковер у ног матери и долго оставался неподвижным.

— Ты права, моя драгоценная. Мы с тобой исполнили свой долг, но если через три дня мы не уедем из Бухары, то нам грозит гибель, как многим, пострадавшим за то, что они хотели дать бухарскому народу свет знания.

В это время вошел слуга и сказал, что молодому принцу принесли подарки. Просят разрешения передать лично.

— Пусть войдут!

Вошел почтенный, благообразный гулям и за ним несколько слуг. Они расставили на ковре корзинки со всевозможными фруктами, два глиняных кувшина с вином и большое пестрое блюдо с различным печеньем и сладостями.

— Твои почитатели,— сказал гулям,— просят тебя принять эти скромные дары для счастья твоего и твоей высокочтимой матери.

Гулям и слуги поцеловали край одежды Сала-Эддина. Он наградил каждого золотым тилля, и все ушли.

Но через минуту гулям вернулся и стал на колени.

— Выслушай меня,— сказал он.— Я прожил много лет и научился ненавидеть людей. Я стал доносчиком и джасусом и причинил людям много зла. Но, увидев тебя, я понял, что на свете бывают также прекрасные, чистые праведники, и я решил сделать хоть одно доброе дело — предупредить тебя о большой опасности.

Не прикасайся к этим подаркам... Все они отравлены

самым страшным ядом индийской змеи. Прикажи бросить все это в глубокую яму и забросать кирпичами и землей. Подарки посланы твоими братьями, которые боятся, что ты хочешь захватить власть в Бухаре. Не выдавай меня!

Сала-Эддин бросился к гуляму и обнял его:

— Ты мне брат! Ты мне отец!

Гулям тихо вышел.

Сала-Эддин договорился с матерью, что она немедленно уедет в Самарканд, под защиту русской власти. У нее сохранилось достаточно драгоценностей, подаренных эмиром. На эти средства она решила нанять маленький дом с садом и в нем ожидать результатов «сказки», задуманной ее сыном.

Вся Бухара собралась на другой день около дворца эмира. Все думали, что это безумная шутка, что великий кадий и установленные традиции в жизни Бухары сильнее тех необычайных приказов, которые объявил Сала-Эддин.

Однако сказка становилась былью: отворились двери тюрем, и оттуда выходили, испуганно озираясь, заключенные. Они не верили, что кончились их многолетние страдания в тесных, переполненных камерах. Убедившись, что им действительно возвращена свобода, они быстро стали расходиться во все стороны, все ускоряя шаг, и, наконец, побежали.

Самое страшное зрелище потрясло толпу, когда из зенданов, из грязных дыр, прокопанных в земле, рабочие стали вытаскивать заключенных. Это были едва живые мертвецы: худые как скелеты, выпачканные своими экскрементами, в которых им приходилось лежать в течение долгого времени, обросшие волосами, как дикобразы, они плакали от радости, звали друг друга. Многие из них ослепли в темноте и теперь, ползая на четвереньках, стукались головами. У большинства пробывших в тюрьмах и зенданах много лет уже не сохранилось родных. А может быть, они боялись назвать их имена, чтобы не навлечь на них какие-либо наказания.

Сала-Эддин проехал через площадь верхом и остановился, рассматривая вытащенных заключенных.

— Остался ли еще кто-нибудь в зенданах? — спросил он.

— Только трупы,— ответили рабочие.

— Много их?

— Очень много.

— Приказываю поднять на поверхность все тела, отвезти за город и там похоронить в одной братской могиле.

Сала-Эддин ждал, пока рабочие не вымыли заключенных, вылив на них много ведер воды. Затем каждый был

облачен в халат, шаровары и, вдев ноги в кавуши, обмотал голову тюрбаном.

Задумчивый, ехал он обратно, не отвечая на приветствия толпы. Тяжелые, тревожные мысли его угнетали. Он направился к матери и убедился, что она уже уехала в Самарканд; потом подождал возвращения своего учителя Газиза Губайдуллина, и они долго беседовали, обдумывая дальнейший план действий.

На другой день было совещание нескольких выдающихся ученых Бухары по поводу открытия университета имени Абу Али Ибн-Сины. Большинство говорило уклончиво, что еще преждевременно открывать университет, что проще посылать молодежь учиться в Россию.

На четвертый день этих необычайных событий все в Бухаре ожидали, что еще придумает молодой заместитель эмира.

Сала-Эддин во дворце больше не появлялся. В этот день он ехал вместе с матерью Асафат-Гуль в поезде на запад, в сторону Красноводска. Они прибыли в Баку, оттуда в Самсун, на маленьком пароходике переплыли Черное море и оказались в Стамбуле. Там Сала-Эддин прожил много лет, работая над сочинением «История последних независимых эмиров Средней Азии».

В Бухаре в народе сохранилось такое мнение: «Если солнце освещало лучами бедный бухарский народ, то это продолжалось только три дня, когда Сала-Эддин был заместителем его величества эмира бухарского». А некоторые неверующие говорят: «Никогда никакого Сала-Эддина не было. Никогда и никто не выпускал из зенданов и тюрем,— кто туда попадал, тот обрекался на смерть... Сала-Эддин только символ неизбежной революции, чаяний и надежд народа». Такова сказка о Сала-Эддине.

Верно, что никогда не было Сала-Эддина, не было ни одной светлой страницы в мрачной, необычайно свирепой и глупой политике истребителей своего народа — бухарских эмиров. Но светлый день все-таки настал, и впервые из зенданов и тюрем вышли искалеченные заключенные, когда во время революции 1918 года в Бухару прибыл поезд с отрядом войск ташкентского Совдепа и раскрыл двери тюрем. Внезапное прибытие красноармейцев спасло жизнь многим, в том числе молодому учителю, осужденному на смертную казнь за чтение русских газет...

Этот счастливец — теперь почетный член Академии наук Таджикистана, крупнейший таджикский писатель Садриддин Айни...

1944